

№ 35
55

801-16
1384

КАНТИАНА

СЕРІЯ РУКОВОДСТВЪ КЪ ИЗУЧЕНІЮ ФИЛОСОФІИ КАНТА.

Выпускъ I.

Ходъ мыслей

въ

„КРИТИКЪ ЧИСТАГО РАЗУМА“.

Руководство для чтенія.

Карла Штанге

проф. Кенигсбергскаго университета.

Переводъ съ нѣмецкаго

Б. А. ФОХТА и А. И. БЕРДНИКОВА.

МОСКВА.

Типографія б. Шушуккина, Покровка, домъ Бр. Соболевыхъ.

1906.

Дозволено цензурою. Москва, 30 апрѣля 1905 года.

20142

100

Предисловіе къ русскому переводу.

Предлагая вниманію читателей переводъ краткаго руководства профессора Штанге, мы ставимъ своей задачей способствовать, по мѣрѣ силъ, правильному изученію философіи Канта и прежде всего „Критики чистаго разума“. Пробудившійся нѣсколько лѣтъ тому назадъ и съ каждымъ годомъ все возрастающій интересъ къ Канту не привелъ, однако, у насъ къ сколько-нибудь основательному знакомству съ его твореніями. Въ русской литературѣ до сихъ поръ нѣтъ ни удовлетворительныхъ переводовъ главнѣйшихъ сочиненій Канта (исключеніе составляетъ только переводъ „Прологомень“ Вл. С. Соловьева); ни такого изложенія его философіи, которое могло бы облегчить изученіе Канта въ подлинникѣ. Вышедшее въ 1901-мъ году на русскомъ языкѣ извѣстное сочиненіе Куно-Фишера о Кантѣ (переводъ съ четвертаго нѣмецкаго изданія Н. П. Полилова, П. О. Лоссакаго и Д. Е. Жуковскаго *) можетъ дать вѣрное представленіе скорѣе объ общемъ духѣ и направленіи философіи Канта, чѣмъ объ истинномъ содержаніи и связи его идей. Не говоря уже о нѣкоторыхъ важныхъ произведеніяхъ Канта до-критическаго періода, даже нѣкоторыя части „Критики чистаго разума“, особенно же главы о дедукціи чистыхъ понятій разсудка, изложены въ указанномъ сочиненіи, несмотря на все его достоинство и литературный талантъ автора, и недостаточно точно, и не совсемъ ясно. Вообще, истолкованіе К. Фишеромъ главной части „Критики чистаго разума“ — трансцендентальной аналитики — способно, по нашему убѣжденію, создать въ начинающемъ нѣсколько превратное представленіе объ истинномъ смыслѣ и значеніи философіи Канта. Еще менѣе удовлетворяетъ потребности точнаго и правильнаго пониманія Канта очень популярное у насъ сочиненіе Паульсена „Иммануиль Кантъ, его жизнь и ученіе“ (переводъ съ нѣмецкаго Н. Лоссакаго 1899 г.) гдѣ вся трансцендентальная аналитика излагается и обсуждается на 35 небольшихъ страницахъ (156 — 191), а дедукція категорій — всего на 10 страницахъ (159 — 169). Какъ бы ни была оригинальна и интересна основная точка зрѣнія этого сочиненія, оно во всякомъ случаѣ не даетъ намъ достаточно вѣрнаго представленія даже и о самомъ духѣ философіи Канта, характеризуя его не столько какъ критическаго философа, сколько какъ метафизика.

Изъ переводныхъ сочиненій наиболѣе содержательнымъ и вѣрнымъ истинному смыслу философіи Канта является, несомнѣнно,

*) Въ первый разъ это сочиненіе было переведено на русскій языкъ въ 1864-мъ году П. П. Страховымъ.

изложение Виндельбанда въ его „Исторіи новой философіи“, переведенное на русскій языкъ подъ редакціей проф. А. И. Введенскаго и выпущенное отдѣльной книжкой подъ заглавіемъ „Философія Канта“^{*)}. Но, прекрасно выясняя подлинный смыслъ и значеніе трансцендентальной философіи, сочиненіе Виндельбанда не отличается однако достаточной объективностью и представляетъ собой собственно не изложение философіи Канта, а скорѣе изслѣдованіе о ней, притомъ весьма трудное и слишкомъ много привносящее отъ себя. Кромѣ названныхъ сочиненій въ русской переводной и оригинальной литературѣ по философіи есть еще цѣлый рядъ другихъ изложеній Канта, но всѣ они или не обладаютъ требуемой ясностью и точностью (Фалькенбергъ, Ибервегъ, Ремке), или слишкомъ схематичны и кратки (Богдашевскій, Швеглеръ, Вл. Соловьевъ). Для начинающаго заниматься Кантомъ ни одно изъ этихъ изложеній не могло бы, поэтому, служить руководствомъ къ самостоятельному изученію. Между тѣмъ чтеніе сочиненій Канта и особенно „Критики чистаго разума“ представляется дѣломъ весьма нелегкимъ. Не будетъ, кажется, преувеличеніемъ сказать, что никому еще не удавалось удовлетворительно понять „Критику чистаго разума“ иначе, какъ послѣ неоднократнаго прочтенія и лишь постепенно освобождаясь отъ цѣлой массы досадныхъ недоразумѣній. Чтобы по возможности облегчить и сдѣлать съ самаго начала болѣе плодотворнымъ чтеніе „Критики чистаго разума“, мы и рѣшили перевести предлагаемое руководство, снабдивъ его ссылками на страницы русскаго перевода „Критики чистаго разума“ Н. М. Соколова. Не являясь обыкновеннымъ изложеніемъ и не замѣняя его, настоящее руководство ставитъ своей задачей главнымъ образомъ расчлененіе сложнаго матеріала „Критики“ и выясненіе связи основныхъ мыслей ея отдѣльныхъ частей. По отношенію къ „Критикѣ чистаго разума“ оно стремится исполнить ту же задачу, какая въ свое время по отношенію къ діалогамъ Платона и метафизикѣ Аристотеля была съ такимъ успѣхомъ выполнена въ изслѣдованіяхъ Боница. Но не слѣдуетъ думать, конечно, что эта маленькая книжка является сама по себѣ достаточнымъ руководствомъ для изученія главнаго произведенія философской литературы. Напротивъ, служа лишь цѣлямъ предварительнаго ориентированія, она необходимо предполагаетъ цѣлый рядъ другихъ пособій, которыя бы помогли читателю прослѣдить ходъ мысли „Критики чистаго разума“ гораздо болѣе детально и всесторонне. Переводъ нѣкоторыхъ изъ важнѣйшихъ произведеній иностранной литературы о Кантѣ, способныхъ быть такими пособиями, и предпринять нами въ извѣстной послѣдовательности. Слѣдующія сочиненія поставлены нами въ первую очередь и должны выйти въ русскомъ переводѣ въ теченіе 1906 года: Johann Schulze „Erläuterungen zu Kants Kritik der reinen Vernunft“, Alfred Hölder „Darstellung

^{*)} „Философія Канта“—переводъ Н. Платоновой подъ редакціей проф. А. И. Введенскаго. СПб. 1895.

der Kantischen Erkenntnisstheorie mit besonderer Berücksichtigung der verschiedenen Fassungen der transcendentalen deduction der Kategorien“; Robert Adamson „Kants Philosophie“. При переводѣ настоящаго руководства мы стремились къ возможно болѣе точному и ясному выраженію мысли автора; той же цѣли служатъ и примѣчанія, сдѣланные нами въ нѣкоторыхъ наиболѣе трудныхъ мѣстахъ текста.

Б. Фохтъ.

Москва, 3 Сентября 1905 г.

Предварительное замѣчаніе къ 1-му изданію.

Нижеслѣдующіе параграфы содержатъ краткій конспектъ, который я диктовалъ моимъ слушателямъ и неоднократно полагалъ въ основаніе академическихъ упражненій по „Критикѣ чистаго разума“. Поэтому цѣль этихъ параграфовъ состоитъ лишь въ томъ, чтобы служить *руководствомъ для чтенія*. Имѣя въ виду эту цѣль, я рѣшилъ совершенно не касаться многочисленныхъ и серьезныхъ затрудненій, съ которыми приходится встрѣчаться изученію Канта на той ступени его развитія, которой оно достигло въ настоящее время. Точно также здѣсь не можетъ быть рѣчи и о какомъ-либо обзорѣ относящейся сюда специальной литературы. Моя задача ограничивается исключительно тѣмъ, чтобы указать точки зрѣнія, съ которыхъ ходъ мыслей „Критики чистаго разума“ можетъ быть сдѣланъ понятнымъ для начинающаго. Подробный и въ то же время критическій комментарий къ „Критикѣ практическаго разума“ содержится въ 1-мъ томѣ моего „Введенія въ этику“ (Leipzig, Dietrich'sche Verlagsbuchhandlung 1900) стр. 81—194.

Всѣ цитаты относятся къ Кербаховскому изданію „Reclam-Bibliothek“ (г. = Критика чистаго разума, пр. = Критика практическаго разума, prol. = Прологомены *).

Что касается литературы, то она указана хотя бы напр. въ исторіи новой философіи Фалькенберга.

Предварительное замѣчаніе ко 2-му изданію.

То обстоятельство, что уже ранѣе, чѣмъ черезъ годъ, явилась необходимость въ новой обработкѣ этого руководства, служить доказательствомъ, что его изданіе отвѣчало дѣйствительной потребности. Но въ виду новаго изданія мнѣ было высказано такъ много пожеланій и совѣтовъ, что я счелъ нужнымъ еще разъ подвергнуть все изложеніе основательной проверкѣ — и въ особенности сдѣлать нѣсколько болѣе подробнымъ слишкомъ сжатое изложеніе перваго изданія. Со стороны внѣшняго расположенія матеріала я ближе примкнулъ къ изложенію самаго Канта, а всѣ критическія замѣчанія я выдѣлилъ особымъ шрифтомъ, чтобы по возможности не вводить въ заблужденіе начинающихъ. Если въ этомъ отношеніи настоящее второе изданіе выиграло въ сравненіи съ первымъ, то этимъ я обязанъ дружескому совѣту профессора *Файгингера* въ Галле. Но отъ вторичной работы надъ главнымъ произведеніемъ Канта выиграло, какъ я думаю, и мое пониманіе его мыслей. И въ этомъ отношеніи я бы не хотѣлъ упустить здѣсь случая высказать мою благодарность проф. *Рилу* въ Галле за его неоднократное поощреніе и содѣйствіе въ моей работѣ.

*) Въ нашемъ переводѣ за цифрами, указывающими страницы нѣмецкаго изданія, вездѣ слѣдуютъ отдѣленные отъ нихъ знакомъ || цифры страницъ русскихъ переводовъ сочиненій Канта. При этомъ Кр. чист. раз. и Кр. пр. раз. цитируются нами по переводамъ Н. М. Соколова, [Кр. чист. раз. 2-ое изд. 1902 г.], а „Прологомены“ по переводу В. С. Соловьева, (изд. 1905 г.). В. Ф.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
A) Введеніе	3—6
I. Проблема теоріи познанія Канта.	3—5
II. Раздѣленіе Критики чистаго разума	5—6
B) Трансцендентальная философія.	7—27
I. Трансцендентальная эстетика	7—10
II. Трансцендентальная логика	10—11
Первый отдѣлъ: Трансцендентальная аналитика.	11—19
Второй отдѣлъ: Трансцендентальная діалектика	19—27

А. Введение.

1. Проблема теории познания Канта.

(г. 3—47, 647—657. || 591—598, 5—45, 26—30 и 35—41).

§ 1. Въ противоположность догматизму (Спиноза, Лейбницъ, Вольфъ) и скептицизму (Юмъ) философія Канта есть критицизмъ; это значитъ, что ея исходный пунктъ не заключается ни въ томъ предположеніи, что наше познание, поскольку оно независимо отъ опыта, несомнѣнно можетъ само по себѣ достигать положительныхъ результатовъ, ни въ томъ предвзятомъ утвержденіи, что всякое познание такого рода для насъ недоступно, — ея особенность состоитъ скорѣе въ томъ, что въ качествѣ первой задачи всякой философіи она указываетъ на изслѣдованіе самой возможности познания, независимаго отъ опыта (г. 3—7 || 591—595.). Такимъ образомъ метафизика становится у Канта теоріей познания и, тѣмъ самымъ, наукой (г. 29 || 20).

§ 2. Въ противоположность раціонализму (отъ Декарта до Вольфа) и сенсуализму (отъ Локка до Кондильяка), философія Канта есть апіоризмъ; т. е. она не пытается обосновать возможность познания посредствомъ психологическаго изслѣдованія, которое открываетъ источникъ нашихъ познаній или въ разсудкѣ или въ чувственности; — ея особенность состоитъ скорѣе въ томъ, что она разлагаетъ данное въ насъ познание на его составныя части, чтобы различить ихъ затѣмъ другъ отъ друга по степени ихъ цѣнности.

1. Эмпирическія и апіорныя познанія.

(г. 35 f., 647—649 || 26 сл.).

§ 3. Эмпирическими (a posteriori) должны считаться всѣ тѣ познанія, которыя носятъ характеръ случайности. Основаніе своей возможности они имѣютъ въ опытѣ и въ силу своей случайности лишены для философіи всякаго значенія.

§ 4. Но на ряду съ случайными познаніями, которыя даются опытомъ, есть и такія, которыя обладаютъ характеромъ необходимости и общезначимости. Они называются апіорными и вопросъ о ихъ возможности составляетъ задачу теории познания.

2. Аналитическія и синтетическія сужденія.

(г. 39—42; 654 || 32—35; 38.)

§ 5. Апіорными въ указанномъ смыслѣ являются, конечно, и познанія, содержащіяся въ аналитическихъ сужденіяхъ. Но эти аналитическія сужденія никоимъ образомъ не составляютъ проблемы. Въ самомъ дѣлѣ: аналитическими сужденіями называются тѣ сужденія, которыя предикатами субъекта дѣлаютъ признаки, мыслящіеся въ данномъ понятіи. Эти сужденія относятся такимъ образомъ не къ содержанию, а только къ формѣ нашего познания и служатъ не къ расширенію, а только къ выясненію его (г. 38 || 32.) Сверхъ того они не являются вполне или чисто апіорными, потому что всегда относятся къ уже даннымъ понятіямъ (г. 43 || *).

§ 6. Для теории познания имѣютъ, поэтому, значеніе лишь тѣ апіорныя познанія, которыя заключаются въ синтетическихъ сужденіяхъ. А синтетическими апіорными сужденіями являются тѣ сужденія, которыя независимо отъ всякаго опыта приносятъ къ содержанию данного понятія дальнѣйшіе признаки.

Но въ то время, какъ въ опытныхъ сужденіяхъ, которыя всѣ являются также сужденіями синтетическими, расширеніе нашего познания обуславливается полученіемъ новыхъ данныхъ опыта, — проблему теории познания составляетъ вопросъ, какъ возможно расширеніе нашего познания, имѣющее мѣсто въ синтетическихъ сужденіяхъ a priori. (г. 39—42, 654 || 32—35, 38—39).

§ 7. Задача Критики чистаго разума состоитъ, поэтому, въ отвѣтъ на вопросъ: какъ возможны синтетическія сужденія a priori?

Примѣчаніе I. Такъ какъ эмпирическое въ силу его случайнаго характера не имѣетъ, по мнѣнію Канта, значенія для теории познания и исключается имъ изъ сферы его изслѣдованій, то съ самаго начала становится очевиднымъ, что проблемой для Канта является не существованіе вещей въ себѣ, а возможность ихъ познания.

Примѣчаніе II. Понятіе опыта въ употребленіи Канта имѣетъ два значенія: съ одной стороны опытъ это — эмпирическое, въ противоположность апіорному. Въ этомъ смыслѣ опытъ означаетъ познание, приобретаемое посредствомъ чувственной восприимчивости. („Опытъ или ощущеніе“ г. 43 || см. наше примѣчаніе на стр. 4.), съ другой стороны опытъ складывается изъ эмпирическихъ и апіорныхъ элементовъ. (Опытъ = познание предме-

*) Мѣсто, на которое ссылается здѣсь авторъ, принадлежитъ лишь первому изданію Кр. чист. раз. (см. стр. 43 изд. Кербаса); въ русскомъ переводѣ Н. М. Соколова оно почему-то пропущено. Вотъ переводъ этого мѣста: „Всякое познание, къ которому не примѣшивается ничего чуждаго (nichts Fremdartiges), называется чистымъ. Совершенно же чистымъ называется въ частности такое познание, къ которому вообще не примѣшивается никакой опытъ или ощущеніе, и которое, слѣдовательно, возможно совершенно a priori“. В. Ф.

товъ г. 18 || 10). Однако въ обоихъ случаяхъ апіорные элементы могутъ быть найдены, какъ въ области чувственности, такъ и въ области разсудка *).

§ 8. Методъ философіи, руководясь которымъ она занимается изслѣдованіемъ апіорныхъ элементовъ нашего познания и вопросомъ о возможности такого рода познания, Кантъ называетъ трансцендентальнымъ методомъ. (Ср. опредѣленіе понятія „трансцендентальный“ ProI. 72 || 59; г. 43 f. || 42 сл.; 80 || 79; 262 f. || 244 сл.). Трансцендентальная философія является, поэтому, не наукой о трансцендентномъ, т. е. о томъ, что лежитъ за пределами всякаго опыта, а системой всѣхъ апіорныхъ понятій въ нашемъ познаніи.

§ 9. Отъ такой системы чистаго разума критика чистаго разума отличается тѣмъ, что она изслѣдуетъ только принципы синтетическихъ апіорныхъ познаній и, слѣдовательно, представляетъ собой пропедевтику къ системѣ чистаго разума (г. 44—46 || 42—44).

II. Раздѣленіе „Критики чистаго разума“.

§ 1. Среди апіорныхъ синтетическихъ сужденій есть такіа, посредствомъ которыхъ несомнѣнно происходитъ расширеніе нашего познания: положенія чистой математики и чистаго естествознанія, — и есть такіа, въ которыхъ это расширеніе является сомнительнымъ: положенія метафизики. Поэтому, отвѣтъ на вопросъ о возможности апіорныхъ синтетическихъ сужденій можно получить двоякимъ образомъ: или, исходя изъ несомнѣнно синтетическихъ и апіорныхъ положеній чистой математики и чистаго естествознанія, констатировать въ условіяхъ ихъ возможности условія синтетическихъ апіорныхъ познаній вообще и такимъ образомъ установить также возможность метафизики (Prolegomena), или же попытаться получить чрезъ расчлененіе даннаго намъ познания по порядку всѣ его апіорные элементы и соединить ихъ затѣмъ въ одну трансцендентальную систему (Критика чистаго разума).

*) Въ виду того, что понятіе опыта въ первомъ смыслѣ авторъ противопоставляетъ апіорнымъ элементамъ и, слѣд., какъ бы отождествляетъ его съ Кантовскимъ понятіемъ ощущенія, не заключающимъ въ себѣ совершенно ничего апіорнаго, читатель можетъ увидѣть въ этомъ противорѣчіе съ заключительной фразой прим. II-го, согласно которой въ обоихъ случаяхъ употребленія термина „опытъ“ въ немъ содержатся апіорные элементы. Кажущееся противорѣчіе устраняется тѣмъ, что опытъ и въ 1-мъ смыслѣ есть, какъ говоритъ авторъ — познаніе, правда приобретаемое чрезъ чувственную восприимчивость. А всякое познаніе, по Канту, выражается въ сужденіяхъ. Послѣднія же бываютъ двухъ видовъ: одни обладаютъ знаніемъ лишь для даннаго субъекта и не заключаютъ въ себѣ никакой необходимости, — другимъ, напротивъ, принадлежитъ всеобщность и необходимость. Первые — это сужденія воспріятія, вторые — сужденія опыта. Сужденія опыта возникаютъ изъ сужденій воспріятія чрезъ подведеніе послѣднихъ подъ то или иное апіорное понятіе разсудка, но, въ свою очередь, и сужденія воспріятія не лишены апіорныхъ элементовъ: таковыми являются въ нихъ формы пространства и времени, упорядочивающія ощущенія и создающія изъ нихъ эмпирически созерцающія — предикаты сужденій воспріятія. Вотъ почему можно сказать, что опытъ — и въ смыслѣ сужденій воспріятія, и въ смыслѣ сужденій опыта одинаково заключаетъ въ себѣ апіорные элементы: въ первомъ случаѣ — чувственности, а во второмъ еще и разсудка. Б. Ф.

§ 2. Если въ нашемъ познаніи должны быть найдены всѣ апіорные элементы, то для этого необходимо разсмотрѣть по порядку всѣ познавательныя способности, чтобы узнать, содержатъ ли онѣ апіорные элементы.

§ 3. Критика чистаго разума распадается, поэтому, соответственно тремъ познавательнымъ способностямъ: чувственности разсудку и разуму — на три части: 1) Трансцендентальная эстетика спрашиваетъ объ апіорныхъ элементахъ въ области чувственности; 2) Трансцендентальная аналитика — объ апіорныхъ элементахъ въ области разсудка; 3) Трансцендентальная діалектика — объ апіорныхъ элементахъ въ области разума.

§ 4. Трансцендентальная эстетика и трансцендентальная аналитика отличаются отъ трансцендентальной діалектики тѣмъ, что посредствомъ расчлененія нашего опытнаго познания онѣ дѣйствительно обнаруживаютъ апіорные элементы въ нашемъ опытѣ, тогда какъ трансцендентальная діалектика [прежде всего] разрушаетъ заблужденіе, будто существуютъ апіорныя познанія, съ которыми мы могли бы переходить за предѣлы всякаго опыта *).

Примѣчаніе. Самъ Кантъ, помѣщая трансцендентальную эстетику въ качествѣ отдѣла аналитики, исправляетъ порядокъ, данный въ Критикѣ чистаго разума (г. 16 **) || 16). Соответственно этому трансцендентальная аналитика распалась бы на трансцендентальную эстетику и трансцендентальную логику, а трансцендентальная діалектика являлась бы не подраздѣленіемъ трансцендентальной логики, какъ въ Критикѣ чистаго разума, а противоположностью трансцендентальной аналитики, состоящей изъ трансцендентальной эстетики и трансцендентальной логики (ср. г. 138 || 133).

*) Указываемое здѣсь авторомъ различіе трансцендентальной эстетики и аналитики отъ трансцендентальной діалектики касается только одной, именно отрицательной стороны послѣдней. Но трансцендентальная діалектика преслѣдуетъ у Канта кромѣ отрицательной цѣли — доказать невозможность апіорнаго познания сверхчувственнаго (лежащаго за предѣлами опыта) еще и положительную цѣль объединенія всѣхъ нашихъ знаній о природѣ въ одно систематическое цѣлое. Такое объединеніе происходитъ посредствомъ открываемыхъ въ нашемъ разумѣ апіорныхъ принциповъ или и де и, ученіе о примѣненіи которыхъ къ познанію доказываетъ, поэтому, не только невозможность метафизики сверхчувственнаго, но имѣетъ у Канта еще и другое, не менѣе важное значеніе: идеи являются для Канта не только предѣльными понятіями, могущими служить въ изслѣдованіи природы руководящими и какъ бы предохраняющими принципами, но на нихъ, въ конечномъ счетѣ, основывается и самая связь всѣхъ нашихъ познаній о природѣ. — Въ виду всего сказаннаго мы думаемъ, что мысль Канта была бы передана точнѣе, если бы вторая часть § 4 была выражена авторомъ менѣе категорично. Вставленные нами въ текстъ этого § въ прямыхъ скобкахъ слова „прежде всего“ и расчитаны именно на болѣе точное выраженіе подлинной мысли Канта (подробнѣе см. объ этомъ приложение къ трансцендентальной діалектикѣ г. 502—503, 506—517 || 453, 456—466.). Б. Ф.

**) „Критика практическаго разума“ была у насъ переведена два раза: въ первый разъ въ 1879 г. проф. Н. Смирновымъ вмѣстѣ съ „Основаніями къ метафизикѣ нравовъ“ и во второй разъ въ 1897 г. Н. М. Соколовымъ. Ни тотъ, ни другой изъ этихъ переводовъ не представляется вполне удовлетворительнымъ. Мы цитируемъ здѣсь „Критику практическаго разума“ по переводу Г-на Соколова, какъ болѣе близкому къ подлиннику. Б. Ф.

В. Трансцендентальная философия.

1. Трансцендентальная эстетика.

1. Анализ чувственного познания.

(г. 48—50 || 49—51).

§ 1. Если мы обратим внимание на наше познание, поскольку оно является чувственным, с целью отделить друг от друга разнородные составные части его, то нам придется иметь дело с двумя различными элементами. Во 1) в области чувственности мы будем иметь дело с ощущениями. Посредством них явление дается нам со стороны его содержания (материи), и потому ощущение всегда является эмпирическим созерцанием. Во 2) от материи явления следует отличать его форму, т. е. порядок, в котором мы воспринимаем разнообразие явлений. Порядок же этот, составляя условие всех ощущений, должен быть сам априорным, т. е. чистым созерцанием (г. 48 f || 49 сл.).

§ 2. Порядок, в котором мы воспринимаем разнообразие явлений, заключается в представлениях пространства и времени (г. 50 f || 51 сл.).

2. Метафизическое объяснение понятий пространства и времени.

(г. 50—53, 58—59 || 51—53, 58—59).

§ 3. Под метафизическим объяснением Кант понимает раскрытие понятия („Exposition des Begriffs“), поскольку оно направлено на априорный характер понятия (г. 51 || 52), т. е. полное изложение тех признаков, которыми понятие определяется по существу, как данное a priori. Метафизическое объяснение является, поэтому, реальным определением понятия, данного a priori.

§ 4. В представлениях пространства и времени мы имеем априорные элементы чувственности, так как представления пространства и времени, во первых, независимы от опыта и обладают характером необходимости, во вторых, являются не отвлечениями, но созерцаниями.

§ 5. Априорный характер пространства и времени обнаруживается из того отношения, в котором представления пространства и времени стоят к явлению.

1) Представления пространства и времени суть два представления, которые не могут быть отвлечены от явлений, но должны быть налицо до всякого восприятия явлений (г. 51₁ и 58₁ || 52₁ и 58₁).

2) Можно иметь представления пространства и времени, не имея представления об определенных явлениях (предметах), тогда как, наоборот, представление об определенных явлениях невозможно без представления пространства и времени (г. 51₂ и 58₂ || 52₂ и 58₂).

§ 6. Чувственный характер пространства и времени доказывается сначала отрицательно, а затем — положительно.

1) Отрицательно: представления пространства и времени не суть понятия. В самом деле представление единичного пространства и единичного времени не отличается от представлений пространства и времени вообще, между тем как общее понятие есть нечто совершенно иное, чем единичные представления, которые оно обнимает или из которых оно составляется (г. 52₁ и 59₁; || 53₂ и 58₁—59₁).

2) Положительно: представления пространства и времени суть созерцания. В самом деле: существенной чертой их является то, что они представляются бесконечными. Представление же бесконечного никогда не может считаться признаком понятия, но составляет особенность созерцания (г. 53₂ и 59₂ || 53 прим. и 59₂).

Примечание. Третий аргумент Канта (г. 52₂ и 58₂ || 52 прим. и 58₂) относится к трансцендентальному объяснению (ср. г. 59 § 5 нач. || 59 § 5 нач.), которое является дополнением второго издания.

3. Трансцендентальное объяснение понятий пространства и времени.

(г. 53 f. 59 f. 64 f. 69—71. || 54 сл., 59 сл., 63—64 сл., 68—70).

§ 7. Под „трансцендентальным объяснением“ (г. 53 || 54) Кант понимает то, что в другом месте (г. 103 f. || 100 сл.) он называет „дедукцией понятия“, т. е. доказательство, что известные синтетические познания a priori, которые мы имеем, возможны только при предположении наличности определенного понятия. „Трансцендентальное объяснение“ не тождественно таким образом с „физиологическим выводением“, под которым Кант понимает „объяснение фактической наличности“ некоторого чистого познания (г. 105 || 102), т. е. выяснение его психологического происхождения.

§ 8. Трансцендентальное объяснение представлений пространства и времени имеет поэтому своей задачей показать, что только при предположении, что представления пространства и времени суть априорные элементы чувственности, могут иметь значение априорных синтетических познаний положения математики, в которых мы имеем дело с выражением пространственных и временных отношений.

§ 9. В самом деле: если бы представления пространства и времени были эмпирическими представлениями, то и положения математики имели бы только эмпирическое значение и, следовательно, не могли бы быть аподиктически достоверными (г. 52₂ и 58₂ ср. 53 f. || 52 пр. и 58₂ ср. 54).

§ 10. А если бы представления пространства и времени были понятиями, то те же положения математики не могли бы быть синтетическими положениями (г. 53 и 59 f. || 54 и 59 сл.).

§ 11. Аподиктический и синтетический характер, которым въ действительности обладают математическія положенія, понятенъ такимъ образомъ только въ томъ случаѣ, если представленія пространства и времени суть формы созерцанія.

Примѣчаніе: Такимъ образомъ, трансцендентальное объясненіе понятій пространства и времени ставитъ вопросъ не о возможности самихъ этихъ понятій, имѣя въ виду обосновать затѣмъ эту ихъ возможность изъ предположенія особыхъ духовныхъ способностей или функций; напротивъ, понятія пространства и времени сами содержатъ въ себѣ основаніе возможности другихъ синтетическихъ познаній а priori, именно математическихъ. Приведенныя выше (трансцендентальныя) объясненія не имѣютъ, поэтому, для психологіи никакого значенія.

4. Выводы.

(г. 54—57, 60—64, 66—69 || 55—57, 60—63, 65—68).

§ 12. Пространство и время не вещи или свойства вещей, (г. 54a и 60a || 55a и 60a) а формы вѣшняго и внутренняго чувства (г. 54b и 60b || 54b и 60b).

§ 13. Такъ какъ пространство и время суть формы чувственности, то отсюда слѣдуетъ (г. 55—57, 61 f. || 55—57, 61 сл.):

1. что представленія пространства и времени имѣютъ объективное значеніе въ отношеніи ко всѣмъ предметамъ нашихъ чувствъ, т. е. что не можетъ быть ни одного чувственного созерцанія безъ представленія пространства и времени (эмпирическая реальность, т. е. объективная значимость ихъ по отношенію къ явленіямъ);

2. что представленія пространства и времени, хотя и не относятся къ вещамъ въ себѣ, не имѣютъ однако же и значенія случайныхъ видоизмѣненій (модификацій) чувственности, но являются необходимыми условіями чувственного созерцанія (трансцендентальная идеальность).

Примѣчаніе. Поскольку понятіе „трансцендентальной идеальности“ отрицаетъ значеніе пространства и времени въ отношеніи къ вещамъ въ себѣ, — Кантъ не выдерживаетъ своей терминологіи (г. 62 || 62 трансцендентальный = абсолютный). Поскольку же понятіе „трансцендентальной идеальности“ должно отличать субъективность пространства и времени отъ „субрепцій ощущеній“ *) (г. 62 || 62), которымъ „не принадлежитъ никакой идеальности“ (г. 57 примѣч. || 56), это понятіе употребляется Кантомъ правильно.

*) Латинское слово „Subreptio“ значитъ собственно: неправомерная претензія, или примѣненіе, неправомерный переходъ нѣкотораго дѣйствія въ недозволенную для него область. Выраженіе „субрепцій ощущеній“ указываетъ соотвѣственно этому на избыточную тенденцію ощущеній получать несвойственное имъ значеніе совершенно независимыхъ отъ какихъ бы то ни было воздѣйствій объекта актовъ, чего — то абсолютно-субъективнаго и постольку и воплѣ безусловно идеальнаго. Но именно такого значенія ощущеній, какъ совершенно насильственныя психическія состоянія, постоянно измѣняющіяся въ зависимости отъ воздѣйствія на насъ вѣшной реальности, очевидно не могутъ имѣть, не переставая быть тѣмъ, что они есть въ действительности. Поэтому, строго говоря, ощущенія обладаютъ, по Канту, лишь относительной субъективностью или даже — какъ онъ самъ совершенно опредѣленно выражается во второмъ изданіи Критики чистаго разума (57 || 56) — „имъ не принадлежитъ никакой идеальности“. Истинной же, безусловной идеальностью, съ точки зрѣнія отношенія субъекта къ воздѣйствіямъ вѣшняго міра, будутъ обладать, по Канту, только пространство и время,

§ 14. Изъ полученныхъ результатовъ слѣдуетъ, что чувственность, какъ способность созерцанія, всегда можетъ имѣть дѣло только съ явленіями. И это относится не только къ эмпирическому созерцанію, но также и къ чистому. Чистое созерцаніе отличается, поэтому, отъ эмпирическаго не большей ясностью познанія о вещахъ въ себѣ (въ чемъ по Лейбницу должна состоять особенность чистаго созерцанія, относимаго имъ къ „интеллектуальному“), а тѣмъ, что оно составляетъ необходимое условіе всѣхъ явленій, между тѣмъ какъ эмпирическое созерцаніе носитъ характеръ случайности (г. 66—69 || 65—68).

II. Трансцендентальная логика.

Введеніе.

(г. 76—85 || 75—83).

§ 1. Поскольку наше познаніе происходитъ не изъ чувственности, оно имѣетъ свой источникъ въ разсудкѣ. Различіе же между чувственнымъ познаніемъ (созерцаніе) и познаніемъ разсудка (понятіе) состоитъ въ томъ, что посредствомъ чувственности намъ впервые даются представленія вообще, тогда какъ посредствомъ разсудка предметъ чувственнаго созерцанія мыслится, т. е. данное представленіе относится къ своему предмету. Поэтому, если въ области разсудка такъ же, какъ и въ области чувственности, должна существовать противоположность эмпирическаго и апіорнаго, то апіорные элементы разсудка (чистыя понятія) могутъ заключаться только „въ формахъ мышленія предмета вообще“ (г. 76 || 75).

Примѣчаніе. Если чистыя созерцанія и чистыя понятія имѣютъ между собой то общее, что тѣ и другія суть формы нашего познанія, то отсюда возникаетъ вопросъ, тождественна ли въ действительности противоположность чувственности и разсудка съ противоположностью воспримчивости и самодѣятельности.

§ 2. Трансцендентальная логика имѣетъ, слѣдовательно, предметомъ своего разсмотрѣнія такъ же, какъ и трансцендентальная эстетика, форму нашего познанія; тѣмъ не менѣе между трансцендентальной логикой и трансцендентальной эстетикой есть существенное различіе въ силу разнородности областей познанія, съ которыми онѣ имѣютъ дѣло (Трансцендентальная логика г. 76 f. || 75 сл.).

§ 3. Чистой формой мышленія занимается и общая логика. Но въ то время, какъ послѣдняя занимается чистой формой мышленія въ отношеніи къ его логическому характеру, т. е. отношеніемъ представленій между собой, или отношеніемъ познаній

какъ всецѣло субъективныхъ, чистыя формы всѣхъ нашихъ эмпирическихъ созерцаній, независимыя въ отличіе отъ ощущеній, ни отъ какихъ воздѣйствій вѣшнихъ объектовъ. Эта безусловная субъективность представленій пространства и времени и даетъ Канту право приложить къ нимъ, согласно своей терминологіи (трансцендентальный = абсолютный) понятіе трансцендентальной идеальности и этимъ не допустить смѣшенія имъ принадлежащей безусловной субъективности и идеальности съ относительной субъективностью и идеальностью ощущеній. В. Ф.

другъ къ другу, трансцендентальная логика должна имѣть дѣло съ отношеніемъ нашихъ представленій къ предметамъ. (Трансцендентальная логика г. 77—81 || 76—79).

§ 4. Общая логика имѣетъ своей задачей отыскать правила формальнаго пользованія разсудкомъ, чтобы, такимъ образомъ, приобрѣсти отрицательный критерій истинности нашихъ познаній со стороны ихъ формы (Аналитика). Но попытка достигнуть съ помощью общей логики расширенія нашего познанія по его содержанию всегда можетъ вести только къ призрачнымъ результатамъ (Дialeктика). Точно также трансцендентальная логика имѣетъ своей задачей отысканіе принциповъ, лежащихъ въ основѣ примѣненія чистаго разсудочнаго познанія къ предметамъ созерцанія. (Трансцендентальная аналитика). Но попытка придать чистымъ разсудочнымъ познаніямъ значеніе, независимое отъ созерцанія, т. е. за пределами опыта, должна быть признана обманчивой и ошибочной (Трансцендентальная діалектика. (г. 81—85 || 80—83).

Примѣчаніе. Задача трансцендентальной логики заключается, такимъ образомъ, въ разграниченіи апіорныхъ и эмпирическихъ элементовъ разсудка, тогда какъ общая логика имѣетъ дѣло съ формальными правилами мышленія. Оба рода логики не подчинены, слѣдовательно, одинъ другому, но стоятъ рядомъ другъ съ другомъ.

ПЕРВЫЙ ОТДѢЛЪ.

Трансцендентальная аналитика.

Первая книга: Аналитика понятій.

I. Система чистыхъ понятій разсудка (метафизическая дедукція).

(г. 87—103 || 85—100).

§ 1. Если подборъ (сопоставленіе) чистыхъ разсудочныхъ понятій долженъ быть сдѣланъ систематически, то является потребность въ принципѣ ихъ отысканія (г. 87 || 85).

§ 2. Этотъ принципъ Кантъ находитъ посредствомъ указанія на аналогію съ логическимъ употребленіемъ разсудка.

§ 3. Въ самомъ дѣлѣ: какъ при логическомъ употребленіи разсудка мы имѣемъ съ нимъ дѣло, какъ съ функцией, посредствомъ которой вносится единство въ наши представленія, такъ и въ трансцендентальномъ отношеніи разсудокъ является функцией, при помощи которой вносится единство въ многообразіе созерцаній. Обѣ функции различаются тѣмъ, что при логическомъ употребленіи разсудка мы поступаемъ аналитически, тогда какъ при трансцендентальномъ употребленіи разсудка мы имѣемъ дѣло съ нимъ, какъ съ синтетической функцией. Но такъ какъ одинъ и тотъ же разсудокъ дѣйствуетъ и въ этомъ синтезѣ, и въ

томъ анализѣ, то должно быть столько же родовъ чистаго синтеза, сколько есть родовъ логическихъ сужденій (г. 87—89, 94—96 || 85—87, 92—94). Правила логическаго употребленія разсудка служатъ, такимъ образомъ, эвристическимъ принципомъ для нахожденія правилъ трансцендентальнаго употребленія разсудка (ср. г. 265 || 247).

§ 4. Синтезъ разсудка называется чистымъ, если онъ относится къ многообразному въ созерцаніи, поскольку оно дано (г. 94 || 92) а priori (пространство и время). Единство многообразнаго, произведенное чистымъ синтезомъ, называется чистымъ разсудочнымъ понятіемъ (категорія г. 95 f. || 93 сл.).

§ 5. Кантъ различаетъ, поэтому, соответственно четыремъ группамъ сужденій, четыре группы чистыхъ понятій разсудка, причемъ каждая группа въ свою очередь распадается на три вида (ср. таблицу сужденій (г. 89 || 88) и таблицу категорій г. 96 || 94).

Примѣчаніе. Хотя таблица сужденій должна служить къ отысканію чистыхъ понятій разсудка, тѣмъ не менѣе уже самое перечисленіе сужденій обусловлено отношеніемъ ихъ къ чистымъ понятіямъ разсудка. Но дѣленіе сужденій, проведенное исключительно съ логическихъ точекъ зрѣнія, могло бы дать въ результатъ только двѣ группы сужденій съ подраздѣленіемъ каждой изъ нихъ на два вида. Дѣйствительно, — разнородность сужденій обусловливается исключительно или а) отношеніемъ, въ которомъ субъектъ и предикатъ стоятъ другъ къ другу по своему объему (количество сужденій) или б) значеніемъ связки (качество сужденій). Въ самомъ дѣлѣ: субъектъ и предикатъ относятся другъ къ другу или такъ, что предикатъ высказывается о субъектѣ безъ ограниченія его объема (всеобщія сужденія), или такъ, что онъ высказывается о субъектѣ лишь подъ условіемъ такого ограниченія (частныя сужденія); что же касается такъ называемыхъ единичныхъ сужденій, то съ логической точки зрѣнія они принадлежатъ къ всеобщимъ сужденіямъ (г. 90 || 88—89). Точно также и связка имѣетъ только то значеніе, что посредствомъ нея субъектъ и предикатъ или соединяются другъ съ другомъ (утвердительныя сужденія) или же разъединяются (отрицательныя сужденія) между тѣмъ какъ такъ называемыя безконечныя сужденія съ логической точки зрѣнія принадлежатъ къ „утвердительнымъ сужденіямъ“ (г. 90 f. || 89). Приводимая же Кантомъ третья группа сужденій (сужденія отношенія) въ дѣйствительности имѣетъ дѣло съ сложными сужденіями (г. 665 || 115). и притомъ съ тѣми видами ихъ, которыми обусловливаются различные виды умозаключеній: указаніе на категорическій, гипотетическій и раздѣлительный характеръ нашихъ сужденій относится поэтому не къ области аналитики, а къ діалектикѣ (ср. г. 91 f. съ г. 268 и 280 || ср. 89—90 съ 249 и 261). Наконецъ, четвертая группа, въ которой рѣчь идетъ о проблематическихъ, ассерторическихъ и аподиктическихъ сужденіяхъ (модальность сужденій) предполагаетъ понятіе бытія и выражаетъ отношеніе представленій къ бытію (существованіе предметовъ созерцанія въ отношеніи къ разсудку); (г. 99 || 97) послѣдняя группа сужденій можетъ поэтому вести къ открытію не первоначальныхъ чистыхъ понятій разсудка (предикаменты), а только выводныхъ (предикабили) (г. 97 f. || 95).

§ 6. Категоріи количества и качества Кантъ называетъ математическими категоріями, а категоріи отношенія и модальности — динамическими (г. 99 || 97).

§ 7. Въ каждой группѣ категорій третья получается всегда чрезъ соединеніе второй и первой (г. 99 || 97, proI. 108 прим. || 107 прим.; ср. также трихотомическую схему у Фихте, Шеллинга, Гегеля).

2. Трансцендентальная дедукція чистыхъ понятій разсудка.

а) О принципахъ трансцендентальной дедукціи вообще.
(г. 103—111 || 100—108).

§ 8. Трансцендентальная дедукція чистыхъ понятій разсудка имѣетъ дѣло съ вопросомъ, какъ возможно, что понятія а priori относятся къ предметамъ (г. 104 || 101).

§ 9. Предпосылкой этой трансцендентальной дедукціи чистыхъ понятій разсудка является трансцендентальное объясненіе понятій пространства и времени. Въ самомъ дѣлѣ: если трансцендентальное объясненіе понятій пространства и времени и не было само по себѣ безусловно — необходимымъ (ср. стр. 8 § 6 примѣчаніе), поскольку положенія математики и независимо отъ него имѣли бы свою непосредственную очевидность, — то оно все же необходимо въ качествѣ предпосылки для дедукціи чистыхъ разсудочныхъ понятій. Въдѣ благодаря именно этому объясненію чистыя разсудочныя понятія лишаются права пользоваться понятіемъ пространства помимо чувственного созерцанія, а между тѣмъ эти понятія въ ихъ независимомъ отъ всѣхъ условій чувственности значеніи всегда имѣютъ тенденцію создавать видимость познанія, выходящаго за предѣлы опыта (г. 105 f. || 102 сл.). Трансцендентальное объясненіе понятій пространства и времени имѣетъ, слѣдовательно, то значеніе, что оно дѣлаетъ невозможнымъ примѣненіе категорій при предположеніи понятія пространства въ его независимости отъ чувственного созерцанія.

§ 10. Въ трансцендентальной дедукціи чистыхъ понятій разсудка рѣчь идетъ однако объ особой проблемѣ. Въ самомъ дѣлѣ: если чистыя созерцанія, въ качествѣ чистыхъ формъ чувственности, являются условіями того, что намъ вообще даются предметы, то отсюда еще вовсе не становится само собою понятнымъ, что данныя въ созерцаніи явленія должны соответствовать условіямъ нашего мышленія. (г. 107 f. || 103—104).

§ 11. Но что чистыя разсудочныя понятія а priori относятся къ предметамъ, это будетъ доказано, какъ скоро выяснится, что они являются апіорными условіями возможности опыта.

Это слѣдуетъ, во первыхъ, изъ понятія опыта.

Въ самомъ дѣлѣ: для понятія опыта существенно именно то, что оно обозначаетъ не только познаніе явленій, но также и познаніе предметовъ. Если, поэтому, можно показать, что чистыя разсудочныя понятія составляютъ апіорныя условія возможности опыта, то тѣмъ самымъ будетъ доказано, что чистыя разсудочныя понятія суть апіорныя условія, при которыхъ только

и возможно познавать что-нибудь въ качествѣ предмета (г. 109 f. || 105 сл.). Это слѣдуетъ, во вторыхъ, изъ самой природы чистыхъ понятій разсудка. Въ самомъ дѣлѣ: если бы чистыя разсудочныя понятія могли стоять внѣ всякаго отношенія къ опыту, то они не могли бы и относиться къ предметамъ, которые всегда даются только посредствомъ созерцанія, — а представляли бы собой лишь логическую форму понятія. Поэтому — если должно все-таки существовать какое-нибудь отношеніе между чистыми понятіями разсудка и опытомъ, то оно уже не можетъ быть такого рода отношеніемъ, при которомъ опытъ былъ бы условіемъ чистыхъ понятій разсудка, ибо въ этомъ случаѣ послѣдніе были бы не чистыми, а эмпирическими. Остается, слѣдовательно, только противоположная возможность, — что чистыя понятія разсудка суть условія опыта (г. 112 f. || 599 сл.).

б) Объ апіорныхъ основаніяхъ возможности опыта.

(г. 112—126, 657—683 || 599—610, 108—131).

Примѣчаніе. Весь этотъ отдѣлъ во второмъ изданіи былъ переработанъ и существенно упрощенъ. — Поэтому въ дальнѣйшемъ будетъ принять во вниманіе главнымъ образомъ только текстъ второго изданія.

§ 12. Если бы созерцаніе, посредствомъ котораго намъ дается только многообразное, было единственнымъ условіемъ опыта, то вообще не могло бы существовать никакого познанія, такъ какъ о послѣднемъ можно впервые говорить лишь тогда, когда данное посредствомъ созерцанія многообразное дано намъ въ одномъ представленіи. Такимъ образомъ, если познаніе должно существовать, то необходимо, чтобы къ чувственному созерцанію привзошла связь многообразнаго (синтезъ), каковая можетъ быть произведена только разсудкомъ, а не созерцаніемъ (г. 657 f. || 108 сл.). Синонису созерцанія всегда соответствуетъ нѣкоторый синтезъ (г. 114, ср. 667 пр. || 600, ср. 117 сл.).

§ 13. Но такого рода связь многообразнаго, даннаго въ созерцаніи, возможна лишь въ томъ случаѣ, если кромѣ представленія многообразнаго существуетъ еще представленіе нѣкотораго единства (г. 658 f. || 109 сл.).

§ 14. Это представленіе единства, которое существуетъ независимо отъ представленія многообразнаго, есть представленіе я мысли, т. е. сознаніе тождественности тѣхъ актовъ, посредствомъ которыхъ осуществляется связь многообразнаго (г. 659 || 110).

Добавленіе. Эта первоначальная апперцепція (трансцендентальное единство самосознанія) есть условіе эмпирическаго сознанія, но не тождественна съ нимъ (г. 659 f. || 110 сл.).

Въ самомъ дѣлѣ: въ то время, какъ эмпирическое сознаніе сопровождаетъ единичныя представленія, трансцендентальная апперцепція сопровождаетъ акты, посредствомъ которыхъ представленія связываются другъ съ другомъ. Трансцендентальная апперцепція есть, слѣдовательно, предположеніе и условіе эмпирическаго сознанія (г. 660 f. || 110—111 сл.).

§ 15. Если, поэтому, посредством синтеза разсудка многообразіе созерцанія приводится къ единству самосознанія, то все многообразіе созерцанія должно стоять подъ условіями первоначальнаго синтетическаго единства апперценціи, то-есть, для того, чтобы данное въ созерцаніи могло сдѣлаться для меня объектомъ, оно должно быть таково, чтобы я могъ связать многообразіе созерцанія въ единство сознанія (г. 662 f. || 112 сл.).

§ 16. А такъ какъ та функція разсудка, посредствомъ которой многообразіе данныхъ представлений приводится къ единству апперценціи, есть сужденіе, и категоріи суть правила, по которымъ мы судимъ, то отсюда слѣдуетъ, что всѣ чувственныя созерцанія должны стоять подъ категоріями (г. 665 ff. || 115 сл.).

Добавленіе. Слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что категоріи въ качествѣ правилъ синтеза даннаго многообразнаго имѣютъ значеніе лишь для такого разсудка, который только мыслитъ, но не созерцаетъ, т. е. для такого, который многообразное въ созерцаніи находитъ уже даннымъ и задача котораго заключается лишь въ связываніи и упорядочиваніи этого даннаго многообразнаго (г. 664 и 668 || 114 и 118).

§ 17. Какъ созерцаніе безъ синтеза разсудка не есть еще познаніе, такъ точно и категоріи безъ созерцанія не заключаютъ еще въ себѣ никакого познанія, а являются лишь чистыми формами мысли, которымъ предметъ дается только посредствомъ созерцанія. Но созерцаніе, къ которому примѣняются категоріи, должно быть эмпирическимъ, такъ какъ чистое созерцаніе представляетъ собой только форму, въ которой намъ (посредствомъ эмпирическаго созерцанія) даются предметы. Отсюда слѣдуетъ, что категоріи лишь постольку посредствуютъ познаніе, поскольку онѣ суть условія возможнаго опыта (г. 668 ff. || 118 и сл.).

Добавленіе 1. Примѣненіе категорій къ эмпирическому созерцанію посредствуется ихъ примѣненіемъ къ чистому созерцанію, которое возможно а priori. Этотъ апіорный синтезъ Кантъ называетъ трансцендентальнымъ синтезомъ силы воображенія (г. 671 f. || 120 сл.).

Добавленіе 2. Такъ какъ разсудокъ приводитъ къ единству и то многообразное, которое дано посредствомъ внутренняго чувства, то и это послѣднее также опредѣляется разсудкомъ; поэтому становится совершенно понятнымъ, почему, созерцая самихъ себя посредствомъ внутренняго чувства, мы имѣемъ о себѣ такое представленіе, какъ будто мы аффицируемся изнутри, т. е., повидимому, находимся одновременно и въ активномъ, и въ пассивномъ состояніи. Въ самомъ дѣлѣ: мы активны, поскольку самостоятельная дѣятельность нашего разсудка опредѣляетъ наше внутреннее чувство;—наоборотъ, мы—пассивны, поскольку нашимъ внутреннимъ чувствомъ опредѣляется самостоятельная дѣятельность разсудка (г. 673—675 || 122—124).

Добавленіе 3. Сознаніе, что „я существую“ дано уже вмѣстѣ съ первоначальнымъ синтетическимъ единствомъ апперценціи, но оно представляетъ собой только мысль и еще не содержитъ въ себѣ никакого познанія. Напротивъ, познаніе обо мнѣ, каковъ я, кромѣ единства апперценціи (какъ опредѣляющаго) предполагаетъ еще содержаніе (какъ опредѣляемое) и поэтому всегда ограничивается познаніемъ моего я, какъ явленія (ср. г. 210 || 198).

§ 18. Однако категоріи являются не только условіями возможнаго опыта, но также условіями опыта фактически-даннаго чрезъ посредство нашихъ чувствъ. Въ самомъ дѣлѣ: воспріятіе эмпирическаго созерцанія предполагаетъ синтезъ аппрегензи, который долженъ соответствовать формамъ созерцанія (пространство и время). На пространство и время, какъ созерцанія, даны въ сознаніи вмѣстѣ съ опредѣленіемъ единства заключающагося въ нихъ многообразнаго, а это единство не можетъ быть ничѣмъ другимъ, кромѣ какъ единствомъ трансцендентальнаго синтеза аппрегензи, выражающимся въ категоріяхъ. Слѣдовательно синтезъ аппрегензи долженъ а priori соответствовать категоріямъ (г. 677—680 || 126—129).

Добавленіе. Законы природы, поэтому, суть законы нашего разсудка (г. 680 f. || 129 сл.).

Примѣчаніе 1. Въ первомъ изданіи Кантъ отправляется отъ анализа нашего эмпирическаго познанія съ цѣлью открыть встречающіеся въ немъ разнообразныя синтезы и отъ нихъ заключить къ соответствующимъ апіорнымъ синтезамъ. Здѣсь имѣется въ виду, во первыхъ, синтезъ аппрегензи, т. е. тотъ актъ воспріятія, посредствомъ котораго мы въ правильной послѣдовательности воспринимаемъ данное въ созерцаніи многообразное и соединяемъ его въ одно представленіе; во вторыхъ, синтезъ репродукціи въ воображеніи, какъ онъ выражается въ психологическомъ законѣ ассоціаціи, и, въ третьихъ, синтезъ рекогниціи въ понятіи, т. е. единства сознанія, въ силу котораго (единства) мы признаемъ тождественность аппрегендированныхъ и репродуцированныхъ нами представлений. Изъ этихъ трехъ эмпирическихъ синтезовъ Кантъ выводитъ затѣмъ три апіорныхъ синтеза: чистый синтезъ аппрегензи, чистый синтезъ силы воображенія (продуктивная сила воображенія г. 128 f. || 612) и трансцендентальную апперценцію. Но при выведеніи этихъ апіорныхъ синтезовъ изъ апостеріорныхъ развиваются параллельно два соображенія. Именно: съ одной стороны указаніе на синтезы апостеріорнаго употребленія разсудка служить для Канта только эвристическимъ принципомъ къ нахожденію его апіорныхъ функцій (ср. ст. 11, § 3), а съ другой стороны Кантъ открываетъ апіорные синтезы чрезъ указаніе на апіорныя представленія (пространство и время); какъ наши эмпирическія представленія предполагаютъ указанная выше апостеріорные синтезы, такъ точно и наши апіорныя представленія предполагаютъ апіорные синтезы (г. 115 f. || 117, 121 || 601, 603, 606). Въ первомъ случаѣ указаніе на функціи эмпирическаго сознанія служить къ открытію трансцендентальныхъ функцій, тогда какъ во второмъ случаѣ различіе чистыхъ и эмпирическихъ представлений ведетъ къ различенію апіорныхъ и апостеріорныхъ синтезовъ.

Примѣчаніе 2. Въ первомъ изданіи отдѣлъ Критики чистаго разума съ ст. 126 по 137 представляетъ собой повтореніе отдѣла Критики чистаго разума съ ст. 114 по 126 (ср. г. 126 || 611).

Примѣчаніе 3. Трансцендентальная апперцепція, какъ чистое сознаніе, относится къ эмпирическому сознанію такъ-же, какъ чистыя понятія разсудка относятся къ эмпирическимъ; трансцендентальная апперцепція есть, слѣдовательно, трансцендентальный факторъ, а не метафизическая величина, (какъ абсолютное „я“ Фихте) [Примѣчаніе Критики чистаго разума—страница (128 || 612): „не слѣдуетъ однако упускать изъ виду того, что чистое представленіе „я“ въ отношеніи ко всѣмъ другимъ (добавить „представленіямъ“, а не „я“), коллективное единство которыхъ оно дѣлаетъ возможнымъ, есть лишь трансцендентальное сознаніе“].

Примѣчаніе 4. Если въ трансцендентальной эстетикѣ чистое и эмпирическое созерцаніе относится другъ къ другу, какъ два различныхъ познавательныхъ элемента чувственности, которые стоятъ рядомъ и связаны между собой, то въ аналитикѣ чистыя понятія разсудка составляютъ трансцендентальныя условія эмпирическихъ понятій (г. 135 f. || 618).

Вторая книга: Аналитика основоположеній.

Въ аналитикѣ основоположеній разсматривается вопросъ, какимъ образомъ изъ чистыхъ понятій разсудка происходятъ законы разсудка. Аналитика основоположеній примыкаетъ поэтому къ тому, что сказано на стр. 15 § 17, добавленіе 1. Въ самомъ дѣлѣ: рѣчь идетъ здѣсь, во первыхъ, о чувственномъ условіи, при которомъ отъ категорій можно перейти къ познанію предметовъ: схематизмъ чистыхъ понятій разсудка; во вторыхъ, о систематическомъ изложеніи синтетическихъ сужденій а priori, которыя при указанномъ условіи получаютъ изъ категорій: основоположенія чистаго разсудка (г. 138—141 || 133—135).

1. О схематизмѣ чистыхъ понятій разсудка.

(г. 142—149 || 137—143).

§ 1. Примѣненіе чистыхъ понятій разсудка къ эмпирическому созерцанію составляетъ проблему, поскольку между ними нѣтъ никакой однородности, тогда какъ вообще подведеніе какого нибудь представленія подъ понятіе возможно лишь на основаніи ихъ однородности (г. 142 || 137).

§ 2. Если тѣмъ не менѣе примѣненіе чистыхъ понятій разсудка къ эмпирическому созерцанію должно быть возможно, то необходимо, чтобы между ними было нѣчто посредствующее, что въ одно и тоже время являлось бы и чувственнымъ, какъ созерцаніе, и интеллектуальнымъ, какъ понятіе (г. 142 f. || 137 сл.).

§ 3. Это посредствующее, которое Кантъ называетъ трансцендентальной схемой, содержится въ трансцендентальномъ опредѣленіи времени (г. 143 || 138).

Добавленіе. Въ этомъ отдѣлѣ повторяется такимъ образомъ мысль трансцендентальной дедукціи, по которой а) категоріи применимы только къ эмпирическому созерцанію и б) это примѣненіе категорій къ эмпирическому созерцанію посредствуется чистымъ созерцаніемъ (г. 143 f. || 138 сл.).

§ 4. Значеніе схематизма заключается, поэтому, въ томъ, что, являясь связующимъ звеномъ между понятіями разсудка и трансцендентальнымъ представленіемъ времени, онъ изъ чистыхъ понятій разсудка создаетъ апіорныя правила для дѣятельности силы воображенія (г. 144 || 139).

§ 5. Въ самомъ дѣлѣ: какъ сила воображенія, дѣйствуя въ качествѣ эмпирической способности, изъ единичнаго созерцанія создаетъ образъ (образъ—это представленіе опредѣленнаго предмета опыта), поскольку именно эмпирическое понятіе служитъ правиломъ для опредѣленія дѣятельности эмпирической силы воображенія, такъ точно и чистыя понятія имѣютъ значеніе для осуществленія нашего познанія лишь въ качествѣ правилъ для опредѣленія дѣятельности нашей чистой силы воображенія. И это имѣетъ значеніе, какъ для чистыхъ понятій чувственности (понятіе числа, треугольника), такъ и для чистыхъ понятій разсудка (г. 144 f. || 139 сл.).

2. Система всѣхъ основоположеній чистаго разсудка.

(г. 149—221 || 143—207.).

§ 6. Основоположенія чистаго разсудка распадутся по родамъ категорій на четыре группы: аксіомы созерцанія, антиципации воспріятія, аналогіи опыта и постулаты эмпирическаго мышленія вообще (г. 158 || 151—152).

Примѣчаніе 1. Этотъ отдѣлъ составляетъ переходъ отъ теоріи познанія къ чистому естествознанію.

Примѣчаніе 2. Особенно важнымъ является „опроверженіе идеализма“ (г. 208—211 || 195—199). Догматическій идеализмъ Берклея, по которому абсолютное пространство есть нѣчто само по себѣ невозможное и по которому, слѣдовательно, и вещи въ пространствѣ суть только продукты воображенія, былъ отвергнутъ уже трансцендентальной эстетикой. Что же касается проблематическаго идеализма Декарта, который въ качествѣ непосредственно-очевиднаго признавалъ только внутренний опытъ и думалъ, что изъ этого внутренняго опыта слѣдуетъ вывести внѣшній, то онъ несостоятеленъ потому, что заключеніе отъ внутренняго опыта къ внѣшнему всегда ненадежно. Напротивъ, дѣло обстоитъ скорѣе такимъ образомъ, что внутренний опытъ возможенъ лишь чрезъ посредство внѣшняго. Въ самомъ дѣлѣ: представленіе „я емъ“ заключаетъ въ себѣ только указаніе на существованіе субъекта, тогда какъ познаніе о немъ предполагаетъ созерцаніе (ср. стр. 16, § 17, Добавл. 3), т. е. опредѣленіе субъекта во времени. А это опредѣленіе субъекта во времени (= внутренний опытъ) возможно только при предположеніи внѣшнихъ предметовъ (внѣшній опытъ) (ср. г. 219 f. || 206—207 сл.).

3. Объ основаніи различенія всѣхъ предметовъ вообще на феномены и ноумены.

(г. 221—239, 684—686 || 208—224).

§ 7. Категоріи безъ чувственнаго созерцанія суть только логическія функціи и отношеніе ихъ къ какому либо предмету возможно лишь чрезъ посредство чувственнаго созерцанія. Вслѣдствіе этого имъ принадлежитъ только эмпирическое, а не трансцендентальное употребленіе (г. 222—231 || 208—209—215).

Примѣчаніе. Подъ „трансцендентальнымъ“ Кантъ понимаетъ здѣсь отношеніе къ „вещамъ вообще и въ частности къ вещамъ въ себѣ“ (г. 223 || 209—210).

§ 8. Слѣдовательно, въ нашемъ познаніи мы всегда можемъ имѣть дѣло только съ феноменами, т. е. съ явленіями, поскольку они мыслятся нами въ качествѣ предметовъ согласно единству категорій. Напротивъ, познаніе ноуменовъ (вещей въ себѣ или интеллигибельнаго предмета) для насъ невозможно (г. 231 || 215).

§ 9. Если, несмотря на это, мы всетаки создаемъ понятіе ноумена, то это есть только проблематическое понятіе, которое получается вслѣдствіе примѣненія категорій, выходящаго за предѣлы чувственнаго созерцанія (г. 234 || 220). Оно имѣетъ такимъ образомъ значеніе пограничнаго понятія, поскольку указываетъ на болѣе узкую сферу чувственности въ сравненіи съ разсудкомъ (г. 235 || 221 и сл.).

Примѣчаніе. Понятіе ноумена не тождественно съ понятіемъ трансцендентальнаго предмета. Въ самомъ дѣлѣ: трансцендентальный предметъ есть только обусловленное категоріями единство (коррелятъ единства апперцепціи (г. 232 || 216 пр.) и рѣзко различается Кантомъ отъ ноумена (г. 234 и 236 f. || 220—221); называть „совокупность явленій“ міромъ интеллигибельныхъ вещей (Verstandeswelt) „на основаніи того, что связь ихъ мыслится по всеобщимъ законамъ разсудка“—это „просто софистическая уловка“. Трансцендентальный предметъ могъ бы быть обозначенъ въ крайнемъ случаѣ только какъ „ноумень въ отрицательномъ разсудкѣ“ (г. 685 || 218—219).

ВТОРОЙ ОТДѢЛЪ.

Трансцендентальная діалектика.

Введеніе.

(г. 260—272 || 243—253).

1. О трансцендентальномъ заблужденіи.

Источникъ заблужденія (ошибки) слѣдуетъ искать не въ чувствахъ, и не въ разсудкѣ самихъ въ себѣ, а лишь въ незамѣтномъ вліяніи чувственности на разсудокъ (г. 260 f. || 243).

§ 2. Задачей трансцендентальной діалектики и является раскрытіе трансцендентальнаго заблужденія, т. е. критика трансцендентныхъ основоположеній, составляющихъ содержаніе

метафизики и имѣющихъ своею цѣлью сдѣлать возможнымъ не только эмпирическое, но и трансцендентальное *) употребленіе категорій (г. 262 f. || 244).

§ 3. Критикой этихъ трансцендентныхъ основоположеній нельзя конечно устранить трансцендентальнаго заблужденія, такъ какъ источникомъ его является какъ разъ самъ чистый разумъ, поскольку упомянутыя трансцендентныя основоположенія основываются на субъективныхъ основоположеніяхъ разума, которые лишь ошибочно принимаются за объективныя (г. 263, ср. 350 || 245, ср. 301).

2. О чистомъ разумѣ, какъ источникѣ трансцендентальнаго заблужденія.

§ 4. Въ качествѣ высшей познавательной способности разумъ въ самомъ общемъ смыслѣ (безотносительно къ его логическому или трансцендентальному употребленію) можетъ быть опредѣленъ, какъ способность принциповъ. Въ самомъ дѣлѣ: тогда какъ разсудокъ посредствомъ своихъ правилъ вноситъ единство въ явленія, разумъ пытается подвести подъ принципы самыя правила разсудка и тѣмъ самымъ свести ихъ къ высшему единству. (г. 264 ff. || 246 сл.).

§ 5. Иллюстраціей этого опредѣленія служить логическое употребленіе разума. При послѣднемъ мы имѣемъ дѣло съ заключеніями разума, которыя (какъ заключенія опосредствованныя) отличаются отъ заключеній разсудка (какъ непосредственныхъ) тѣмъ, что выведенное сужденіе не прямо получается изъ правила, но такъ, что предикатъ, содержащійся въ правилѣ, переносится на отдѣльное познаніе съ помощію нѣкотораго третьяго представленія. Такимъ образомъ, при логическомъ употребленіи разума дѣло идетъ о томъ, чтобы свести разсудочныя познанія къ ихъ всеобщимъ условіямъ и тѣмъ самымъ привести ихъ къ высшему единству. (г. 267 f. || 249 сл.).

§ 6. Относительно трансцендентальнаго употребленія разума, напротивъ, должна быть разсмотрѣна проблема, содержитъ ли разумъ, какъ онъ былъ опредѣленъ въ § 4, синтетическія основоположенія а priori.

Въ этомъ отношеніи изъ логическаго употребленія разума слѣдуетъ, во-первыхъ, что познаніе разума никогда не относится непосредственно къ предметамъ опыта, а всегда только къ сужденіямъ разсудка, и, во-вторыхъ, что синтетическое познаніе чистаго разума, поскольку послѣдній въ своемъ логическомъ употребленіи всегда восходитъ отъ обусловленнаго къ обусловливающему, можетъ состоять только въ познаніи безусловнаго. (г. 269 ff. ср. 279 f. || 250 сл. ср. 260—261). Это послѣднее, т. е. познаніе безусловнаго, и есть, слѣдовательно, собственный предметъ трансцендентальной діалектики.

*) Терминъ „трансцендентальный“ употребляется здѣсь въ согласіи съ нѣкоторыми мѣстами Критики въ смыслѣ трансцендентный. Б. Ф.

Примѣчаніе. Разумъ стремится къ безусловному. Въ этомъ опредѣленіи Кантъ соглашается съ рациональной метафизикой; но что значитъ „безусловное“? Рациональная метафизика подъ безусловнымъ понимаетъ вещь въ себѣ, какъ нѣчто трансцендентное, что выходитъ изъ ряда обусловленнаго. Но до такого безусловнаго мы никогда не можемъ дойти, отправляясь отъ обусловленнаго. Подъ безусловнымъ Кантъ понимаетъ, поэтому, всю совокупность условий. Единичное есть нѣчто обусловленное, такъ какъ оно подчинено всей совокупности условий, а эта послѣдняя—сама есть, следовательно, уже нѣчто безусловное (г. 347. Прим. || 298 пр.). Но такая совокупность условий всегда остается недостижимой, такъ какъ никогда не можетъ быть дана эмпирически. Идея безусловнаго, такимъ образомъ, является трансцендентальной идеей, т. е. правиломъ, которое побуждаетъ васъ по возможности достигать полноты условий.

Первая книга: О понятіяхъ чистаго разума.

(г. 272—291 || 254—271).

§ 7. Поскольку понятія разума имѣютъ дѣло съ безусловнымъ, они относятся къ чему-то такому, что никогда не бываетъ предметомъ опыта, но къ чему однако относится всякій опытъ. (г. 272 f. || 254). Въ этомъ смыслѣ Кантъ, примыкая къ Платону, называетъ понятіе разума трансцендентальной идеей (г. 273—279 || 255—260).

§ 8. Какъ таблица категорій была выведена изъ таблицы суждений, такъ и трансцендентальныя идеи выводятся изъ трехъ родовъ умозаключеній. Въ самомъ дѣлѣ: ученіе объ идеяхъ, въ качествѣ ученія о синтетическомъ связываніи познаній разсудка, соответствуетъ тому отдѣлу общей логики, который имѣетъ дѣло съ категорическими, гипотетическими и раздѣлительными умозаключеніями, точно такъ-же, какъ ученіе о категоріяхъ соответствуетъ въ общей логикѣ ученію о сужденіи.

Примѣчаніе. Проводя строгій параллелизмъ между общей и трансцендентальной логикой, ученіе о категоріяхъ слѣдовало бы противопоставить ученію о понятіи, ученіе объ основоположеніяхъ—ученію о сужденіи и ученіе объ идеяхъ—ученію объ умозаключеніяхъ.

§ 9. Та же самая функція разума, которой онъ пользуется въ категорическихъ, гипотетическихъ и раздѣлительныхъ умозаключеніяхъ, при трансцендентальномъ ея употребленіи ведетъ къ идеѣ абсолютнаго единства мыслящаго субъекта (рациональная психологія), къ идеѣ абсолютнаго единства ряда условий для даннаго явленія (рациональная космологія) и къ идеѣ абсолютнаго единства условія всѣхъ предметовъ мышленія вообще (рациональная теологія, (г. 287 ff. || 267 сл.).

Примѣчаніе. Критика традиціонныхъ метафизическихъ теорій распадается, такимъ образомъ, у Канта, соответственно расчлененію системы Вольфа, на три части: на критику рациональной психологіи, космологіи и теологіи.

Вторая книга: о діалектическихъ заключеніяхъ чистаго разума.

1. О паралогизмахъ чистаго разума.

(г. 293—339, 686—702 || 272—291)

§ 10. Рациональная психологія, независимо отъ всякаго опыта, изъ самаго понятія „я“ надѣется достигнуть (г. 293 ff. || 273 сл.) чисто рациональнаго познанія души, вывода

1) субстанціальности души изъ того факта, что я является абсолютнымъ субъектомъ моего мышленія—(г. 297—300 || 621—622),

2) простоту души изъ того факта, что множество моихъ представленій содержится въ абсолютномъ единствѣ апперцепціи, (г. 300—307 || 623—629),

3) единство души изъ факта, что сознаніе моего я (апперцепція) всегда тождественно себѣ по числу (г. 307—311 || 630—633),

4) различіе моей души отъ всѣхъ внѣшнихъ вещей изъ того факта, что въ своемъ собственномъ существованіи я непосредственно увѣренъ, тогда какъ къ существованію внѣшнихъ явленій можно только заключать (ср. стр. 18 Пр. 2) (г. 311—321 || 634—643).

§ 11. Между тѣмъ эти четыре (соотвѣтственно четыремъ группамъ категорій) основоположенія рациональной психологіи въ дѣйствительности получаютъ лишь вслѣдствіе смѣшенія логическаго субъекта психическихъ явленій съ реальнымъ и составляютъ, слѣдовательно, только паралогизмы, поскольку они основываются на невольномъ самообманѣ (ср. г. 688 || 278). „Логическое опредѣленіе мышленія вообще ошибочно принимается за метафизическое опредѣленіе объекта“.

Добавленіе. Къ § 10. № 4 слѣдуетъ сдѣлать примѣчаніе, что вопросъ объ отношеніи между душой и матеріей на основаніи 2-го примѣчанія 18 страницы превращается въ вопросъ объ отношеніи внутренняго и внѣшняго созерцанія. Вся трудность, которую напрасно пытались разрѣшить посредствомъ теорій *influxus physicus*, предустановленной гармоніи и божественнаго вмѣшательства, устраняется, какъ скоро проблема ставится правильно въ указанномъ смыслѣ (г. 323—332 || 645—653).

2. Антиномія чистаго разума.

(г. 339—451 || 291—402).

Предварительное замѣчаніе. Тогда какъ въ рациональной психологіи разумъ ведетъ лишь къ паралогизмамъ, т. е. только къ одностороннему заблужденію, въ рациональной космологіи онъ запутывается въ противорѣчія и, такимъ образомъ, приводитъ къ антидетикѣ чистаго разума (г. 339 ff. || 291 сл.).

§ 12. Число космологических идей Кантъ пытается установить, руководясь таблицей категорій, и такимъ образомъ получаетъ 1) идею начала міра и его границъ, 2) идею абсолютно-простого, 3) идею свободы и 4) идею абсолютной естественной необходимости. (г. 348 || 299).

Примѣчаніе. Идеи математическаго-безусловнаго (бесконечно-большаго и бесконечно-малаго) Кантъ называетъ понятіями о мірѣ въ тѣсномъ смыслѣ, а идеи динамическаго-безусловнаго (свободы и естественной необходимости)—трансцендентными понятіями природы. (г. 348 f. || 299 сл.).

§ 13. Первое противорѣчіе разума состоитъ въ томъ, что по отношенію къ временно-пространственному протяженію міра на одинаково-вѣснихъ основаніяхъ можно и утверждать, и оспаривать ограниченность этого міра (г. 354—361 || 304—311).

Второе противорѣчіе разума заключается въ томъ, что относительно субстанціи временно-пространственнаго міра съ равнымъ правомъ можно и утверждать и оспаривать сложеніе ея изъ простыхъ частей (г. 360—369 || 310—317).

Третье противорѣчіе разума состоитъ въ томъ, что по отношенію къ міру явленій можно одинаково и утверждать, и оспаривать возможность абсолютной самодѣятельности (свободы) (г. 368—375 || 318—323).

Четвертое противорѣчіе разума заключается въ томъ, что относительно состоянія міра можно на равныхъ основаніяхъ и утверждать, и оспаривать существованіе безусловно-необходимаго существа (г. 374—381 || 324—331).

§ 14. Это четвертое противорѣчіе, въ которомъ тезисы соответствуютъ интересамъ практическаго, а антитезисы—теоретическаго разума (г. 382—391 || 333—341), основывается на субъективной необходимости (г. 391—397 || 342—347), поскольку синтезъ разума обладаетъ особымъ характеромъ въ сравненіи съ синтезомъ разсудка, и несмотря на это точно такъ же, какъ и синтезъ разсудка, понимается всетаки какъ синтезъ объективно-даннаго (г. 397—400 || 348—351).

§ 15. Вслѣдствіе этого разрѣшеніе діалектическаго заблужденія станетъ возможно лишь въ томъ случаѣ, если будетъ принято во вниманіе результатъ трансцендентальной аналитики (г. 401—405 || 352—355). Въ самомъ дѣлѣ: такъ какъ синтезъ разсудка, къ которому относится синтезъ разума, является всегда лишь субъективной функціей, то и единство разума никогда не можетъ быть намъ дано, а только задано (г. 405—412 || 356—362). Идеи разума не конститутивные принципы, посредствомъ которыхъ намъ дается лежащая за предѣлами опыта область дѣйствительнаго бытія, а только регулятивные принципы, указывающіе, какъ далеко можемъ мы идти по отношенію къ опыту въ синтезѣ разсудка (г. 412—417 || 363—367).

§ 16. Но при этомъ между математическими и динамическими идеями разума существуетъ различіе, поскольку для математическихъ идей условіе всегда однородно съ обусловленнымъ, тогда

какъ при динамическихъ идеяхъ отыскивается условіе, неоднородное съ обусловленнымъ, такъ что, слѣдовательно, математическія идеи остаются всегда и безусловно въ предѣлахъ опытнаго міра, между тѣмъ какъ динамическія идеи указываютъ на міръ интеллигибельный (г. 425—428 || 377—379).

§ 17. Поэтому, математическія идеи имѣютъ другое значеніе въ сравненіи съ динамическими. Въ самомъ дѣлѣ: при математическихъ идеяхъ тезисъ и антитезисъ являются ложными. Нельзя сказать ни того, что протяженіе и дѣлимость міра — конечны, ни того, что они — бесконечны. Разумъ образуетъ понятіе міра только для того, чтобы при эмпирическомъ изслѣдованіи міра мы поступали всегда такъ, какъ будто міръ по протяженію и дѣлимости былъ бесконеченъ (г. 418—425 || 370—376). Напротивъ, при динамическихъ идеяхъ тезисъ и антитезисъ могутъ быть оба истинными, стоитъ лишь различить міръ явленій отъ міра интеллигибельнаго, и для разрѣшенія противорѣчія разума нужно будетъ только отнести тезисы — къ міру интеллигибельному, а антитезисы — къ міру явленій (г. 428—451 || 380—402).

Примѣчаніе. Въ двухъ первыхъ антиноміяхъ тезисы истинны, а антитезисы ложны; напротивъ, въ третьей и четвертой антиноміяхъ между ними наблюдается обратное отношеніе. Въ самомъ дѣлѣ: если первая антиномія имѣетъ дѣло съ понятіемъ бесконечно-большаго, а вторая — съ понятіемъ бесконечно-малаго, то въ тезисахъ обихъ антиномій и доказывается именно, что понятіе бесконечнаго невозможно, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ отношеніи, и превращеніе антитезисовъ въ регулятивные принципы нисколько здѣсь не мѣняетъ дѣла. Вѣдь это превращеніе антитезисовъ въ регулятивные принципы служитъ лишь выраженіемъ того, что представленіе безконечнаго происходитъ только изъ неспособности нашихъ органовъ исчерпать эмпирическую величину пространства и времени. Представленіе безконечнаго имѣетъ, поэтому, только значеніе регулятивнаго принципа для созерцанія (см. выше стр. 8 § 6, 2).

При третьей антиноміи тезисъ противорѣчитъ предположенію, что безусловное (какъ полнота условій) во всякомъ случаѣ возможно въ качествѣ идеи*), хотя съ другой стороны къ дѣлу примѣшиваются здѣсь уже чисто-моральные интересы, говорящіе въ пользу тезиса. Въ четвертой антиноміи тезисъ противорѣчитъ третьей части діалектики, въ которой опровергается космологическое доказательство бытія Божія.

3. Идеаль чистаго разума

(г. 451—502 || 403—452).

§ 18. Чтобы мыслить единичную вещь въ ея опредѣленной особенности, мы должны взять ее въ отношеніи ко всѣмъ вообще возможнымъ предикатамъ, (утверждая за ней одну часть предикатовъ и отрицая другую). Эта идея о содержаніи всѣхъ возмож-

*) Мысль автора въ этомъ мѣстѣ не совсемъ ясна: повидимому онъ имѣетъ здѣсь въ виду невѣрность тезиса съ теоретической точки зрѣнія, поскольку свобода признается въ немъ за нѣчто большее, чѣмъ только регулятивная идея; поэтому теоретически истиннымъ въ третьей антиноміи будетъ утвержденіе антитезиса, хотя въ пользу тезиса будутъ говорить моральные интересы. Подобнымъ же образомъ раскрывается невѣрность тезиса и въ четвертой антиноміи. В. Ф.

ных предикатов превращается однако въ трансцендентальную идею. Въ самомъ дѣлѣ: такъ какъ въ это содержаніе всѣхъ возможныхъ предикатовъ могутъ быть приняты только тѣ, которые выражаютъ реальность, тогда какъ чисто-отрицательные предикаты являются лишь ограниченіемъ этого содержанія всѣхъ возможныхъ предикатовъ, то отсюда возникаетъ представленіе, будто это содержаніе всѣхъ возможныхъ предикатовъ является содержаніемъ всей реальности или всереальнѣйшимъ существомъ (451—462 || 403—413). А это всереальнѣйшее существо, повидимому, необходимо должно существовать, потому что въ качествѣ единственно-абсолютно-безусловнаго оно содержитъ въ себѣ условіе для всего, что имѣетъ лишьслучайное существованіе (г. 462—467 || 414—420).

§ 19. А что мы никогда не можемъ доказать существованіе этого всереальнѣйшаго существа ни изъ нашихъ понятій, ни изъ опыта, это становится очевиднымъ изъ критики трехъ доказательствъ бытія Божія, посредствомъ которыхъ спекулятивный разумъ надѣется разрѣшить предносящуюся ему задачу (г. 467 f. || 420).

§ 20. И дѣйствительно: что касается прежде всего онтологическаго доказательства, то совершенно ясно, что изъ возможности понятія никоимъ образомъ не слѣдуетъ существованіе предмета, хотя бы понятіе, о которомъ идетъ рѣчь, было понятіемъ всереальнѣйшаго существа (г. 468—475 || 420—426). Далѣе — космологическое доказательство, поскольку оно не является замаскированнымъ повтореніемъ онтологическаго (ч. 475—479 || 427—431) выражаетъ лишь потребность разума завершать рядъ всецѣло-обусловленныхъ причинъ въ мірѣ (г. 480—483 || 431—434).

Но въ этомъ отношеніи идея Бога можетъ имѣть значеніе только регулятивнаго принципа (г. 483—487 || 435—438).

Наконецъ, физико-теологическое доказательство приводитъ вообще только къ идеѣ устроителя міра, а не творца міра (ч. 487—492 || 439—444), если только въ свою очередь оно не является скрытымъ повтореніемъ космологическаго доказательства (г. 492—494 || 444—445).

§ 21. Поэтому, для спекулятивнаго разума познаніе бытія Божія совершенно недоступно (г. 494—502 || 446—452).

4. Приложеніе къ трансцендентальной діалектикѣ

(г. 502—513 || 453—459).

§ 22. Но если идеи не дѣлаютъ возможнымъ познаніе предметовъ, выходящаго за предѣлы опыта, (т. е. трансцендентнаго), — хотя онѣ и выражаютъ тенденцію къ такому познанію — то съ другой стороны онѣ являются все же необходимыми идеями разума, и, слѣдовательно, должна быть дана дедукція этихъ идей (г. 520 f. || 469 сл.).

§ 23. Сущность же этой дедукціи идей состоитъ въ указаніи на то, что хотя онѣ и не имѣютъ конститутивнаго значенія, т. е. не относятся къ предметамъ, даннымъ въ опытѣ, онѣ все же имѣютъ для нашего познанія значеніе регулятивныхъ принциповъ, поскольку благодаря имъ предъ нами ставится задача опредѣленнаго разсмотрѣнія насъ самихъ и міра, разсмотрѣнія, посредствомъ котораго мы достигаемъ наибольшаго возможнаго для насъ расширенія опытнаго познанія (имманентное употребленіе трансцендентальныхъ идей въ качествѣ регулятивныхъ принциповъ разума).

§ 24. Такимъ образомъ, мы должны разсматривать психическія явленія и явленія вѣшняго міра такъ, какъ будто бы существовала душа, начало всѣхъ явленій и ихъ виновникъ (г. 522 || 470—471).

§ 25. Дедукція идей состоитъ, поэтому, въ указаніи на то, что ими предполагается нѣкоторый предметъ, посредствомъ котораго наше опытное познаніе достигаетъ систематическаго единства и тѣмъ самымъ расширяется за границы опыта (г. 528 || 476).

§ 25. Поэтому, проблематическій характеръ, всегда присущій идеямъ въ области спекулятивнаго разума, устраняется только въ области практическаго разума, поскольку лишь на основаніи разсмотрѣнія моральнаго закона доказывается объективное значеніе упомянутыхъ трехъ идей (г. 603 ff. || 549 сл.).

Примѣчаніе 1. Раздѣленіе трансцендентальной діалектики, находящееся подъ вліяніемъ системы Вольфа, дѣлаетъ не вполнѣ яснымъ соотвѣстствіе трансцендентальныхъ идей тезисамъ антимій. А вслѣдствіе этого становится неяснымъ также и то, что не только тезисы, но и антитезисы имѣютъ значеніе регулятивныхъ принциповъ (г. 484 || 436: „Въ такомъ значеніи о б а р я д а основоположеній могутъ быть съ полнымъ правомъ поставлены другъ подлѣ друга въ качествѣ лишь эвристическихъ или регулятивныхъ“). Въ дѣйствительности же антитезисы являются у Канта „Maxim'ами спекулятивнаго употребленія разума“, точно такъ же, какъ тезисы — „Maxim'ами практическаго употребленія разума“ (г. 393, прим. || 338 прим.).

Примѣчаніе 2. Но разсмотрѣніе идей, какъ регулятивныхъ принциповъ, не можетъ имѣть значеніе дедукціи ихъ. Напротивъ, это разсмотрѣніе идей исключаетъ всякую ихъ дедукцію, а слѣдовательно, и основанное на практическомъ разумѣ доказательство ихъ объективнаго значенія (г. 603 ff. || 549 сл.).

Примѣчаніе 3. Въ Критикѣ чистаго разума Кантъ доказываетъ существованіе свободы, исходя изъ понятія практическаго разума, которое обнимаетъ въ себѣ понятія нравственности и умности — исходя, слѣдовательно, изъ понятія цѣлесообразнаго дѣйствованія (г. 433 f. и 603 || 390 и 553), тогда какъ въ Критикѣ практическаго разума онъ доказываетъ это, опираясь только отъ факта моральнаго закона.

Примѣчаніе 4. Въ Критикѣ практическаго разума понятіе моральной свободы служитъ доказательствомъ того, что существуетъ свобода отъ причинности въ смыслѣ трансцендентной причинности, тогда какъ въ Критикѣ чистаго разума объективная реальность моральной свободы доказывается теоретико-познавательнымъ путемъ. Именно: въ силу того, что моральная свобода вноситъ въ дѣйствія человека систематическое единство, и моральные законы должны быть разсматриваемы, какъ принципы возможности опыта (г. 612 || 553). Какъ при дедукціи чистыхъ

VI 396
понятій разсудка объективное значеніе категорій доказывается тѣмъ, что благодаря имъ только возможенъ опытъ (г. 110 || 106), такъ точно Кантъ объективную реальность практическихъ принциповъ разума ставитъ въ зависимость отъ того, могутъ ли они имѣть значеніе принциповъ возможнаго опыта; и утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ обосновывается затѣмъ указаніемъ на то систематическое единство, которое осуществляютъ въ нашихъ дѣйствіяхъ моральные принципы. Но вслѣдствіе того, что моральные принципы обусловливаютъ особый родъ систематическаго единства, и моральный міръ представляетъ область опыта, отличную отъ міра явленій; и такъ какъ онъ независимъ отъ условій чувственнаго міра, то съ понятіемъ моральнаго міра мы тѣмъ самымъ получаемъ уже понятіе міра интеллигбельнаго (г. 612 || 558). Такимъ образомъ, доказательство объективной реальности моральной свободы въ „Канонѣ чистаго разума“ составляетъ параллель къ „дедукціи чистыхъ понятій разсудка“.

